

11539

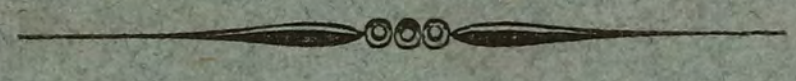
БИБЛИОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. НАДЕЖДИНА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА И ЧЛЕНА СОВѢТА Р. Г. О.

1848.

Выпускъ 1.

11889

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОГО КОМПЛЕКТА МИН. ФИН.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

**РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА,**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. НАДЕЖДИНА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА И ЧЛЕНА СОВѢТА Р. Г. О.

1848.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

39

Библиотека ИИФ ССР

изъ котораго взяли мы сообщенныя извѣстія—тѣмъ болѣе грустныя думы относительно совершеннаго и долговременнаго отсутствія всякихъ вѣстей объ участи путешественниковъ, которыхъ мореплаватели эти поѣхали отыскивать.

ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ.

— три дня въ аулъ юсупъ-кади.—Отрывокъ изъ «Этнографическихъ Записокъ о Трухменахъ», доставленный въ Общество Ч. С. А. П. Архиповымъ. *

Скучны Кавказскія степи весною и лѣтомъ, а еще скучнѣе осенью и зимою. Ни тогда, какъ одѣнутся онѣ зеленью и цвѣтами; ни тогда, когда наступитъ теплая пора и сѣнокосное время; ни тогда, какъ колосья поспѣютъ къ жатвѣ и уборкѣ въ копны: никогда не слышно здѣсь веселыхъ пѣсень, которыми во время полевой работы воодушевляетъ себя сѣверный земледѣлецъ. Не слышать здѣсь тѣхъ пѣсень, какъ не слышать и щебетанья воздушныхъ обитателей, весело порхающихъ въ сѣверныхъ дебряхъ. Вездѣ небо, трава, да безмолвная тишина, изрѣдка лишь прерываемая дикими звуками свирѣли чобана, да дребезжаньемъ перепела; повсюду —

Степь, песокъ, да трава,
Небеса, да земля;
Ни ползвука кругомъ —
Пустота, тишина;
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечуть порой,
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой...

И этотъ край, еще такъ недавно пустынный и дикій, нынѣ населенъ дѣятельнымъ многолюдіемъ; еще и теперь переселенцы спѣшатъ сюда шумными толпами, спѣшатъ какъ въ обѣтованную землю! У нихъ, какъ и вездѣ, есть свои домашнія радости, свои удовольствія, свои заботы, свои труды, вседневныя хлопоты, утраты и печали... Но тихи и

* Белметрическая форма, въ которую г. Архиповъ облекъ свои помѣщаемыя здѣсь замѣтки о бытѣ Туркменовъ, можетъ показаться инымъ несоответственною строгости ученаго изложевія. Но сухость сама-по-себѣ не есть еще достоинство: надо уметь отличать оболочку отъ содержанія; подъ иною игривостію найдешь въ десять разъ болѣе сущности, чѣмъ подъ самыми сухими учеными формами. *Ред.*

скромны свободные часы южнаго семьянина - земледѣльца; однообразна жизнь его, какъ однообразны подвластныя ему степи; самое веселье его не то русское непритворное веселье, дышащее искренностью и радушіемъ; нѣтъ, оно какъ солнце, проглядывающее сквозь мрачныя тучи, какъ слезы облегчающія грудь страдальца! Впрочемъ, рядомъ съ бытомъ крестьянина есть еще другой бытъ, другая жизнь, несравненно тоскливѣе, пустыннѣе, однообразнѣе первой: это жизнь кочевыхъ племенъ окруженныхъ степями и небомъ. Здѣсь все —

Степь, песокъ, да трава,
По-краямъ — небеса,
По-среди — курганъ . . .

и ничего болѣе . . . Одинокій человекъ, случайно заброшенный въ эту пустынную глушь на нѣсколько времени, дичаетъ какъ робкая лань, тоскуетъ какъ дитя безъ рода и племени. . .

Во второй половинѣ іюня 1846 года, осмью верстами южнѣе пограничнаго озера Манычъ, кочевало свободное племя Трухменъ. То былъ ауль Юсупъ-Кăди, изъ рода Чоудыръ. Прошла недѣля, какъ онъ снялся съ урочища Бадринъ-Сала, и расположился длинною полосою по обѣ стороны незначительной рѣчки, протекающей по дну глубокой балки, простирающейся издалека на сѣверъ. Быстро растутъ кочевыя жилища въ пустынь. Сегодня еще гладкая степь съ непомятою травою и ковылемъ; завтра на томъ же мѣстѣ кипитъ уже жизнь многочисленнымъ муравейникомъ, разливается шумнымъ говоромъ словоохотливаго разскащика, торопливымъ топотомъ коня запоздалаго собесѣдника. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно было гнѣздо перепела или пугливой ящерицы, теперь дымятся костры и жалобно блеютъ смиренныя жертвы котла, или отдыхаетъ стадо огромныхъ животныхъ самаго незлобиваго и покорнаго нрава — двугорбыхъ верблюдовъ.

Было 21 іюня. Ауль *Юсупъ-Кăди* готовился къ какому-то празднику, къ какому-то торжеству, занимавшему умы всѣхъ отъ мала до велика, въ томъ числѣ и самаго Кăди, пользующагося глубокимъ уваженіемъ народа. Торжество должно было совершиться 23 числа.

Чтоже это за торжество? Что это за праздникъ, ожидаемый съ такимъ единодушнымъ нетерпѣніемъ? Сколько намъ было извѣстно, это не свадьба, не какой-нибудь слезливый курбанъ-байрамъ; нѣтъ, это долженъ быть веселый, очень веселый праздникъ . . . Иначе къ чему-бы столько без-

конечныхъ хлопотъ, приготовленій!— Гонцы еще вчера ускакали съ приглашеніями по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ ближайшимъ дружелюбнымъ ауламъ — и ускакали, какъ видѣль всякій, сломя голову. Въ числѣ посланныхъ былъ даже *Котѣ*, братъ жены Чоудырскаго *Кади*. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что этотъ праздникъ не народный, не общій — а частный, домашній праздникъ въ семействѣ *Юсупа* *.

Но вотъ скачетъ дѣвушка лѣтъ десяти или двѣнадцати, на маленькой горской лошаdkѣ. Лицемъ она прекрасна какъ ангелъ; пышные локоны ея то разстилаются по плечамъ волнами, то играютъ съ вѣтромъ въ тактъ рѣзваго скака. Станъ милой малютки затянутъ въ цвѣтной шелковый бешметъ съ крючками и петельками изъ чистаго золота; на локоняхъ легкая бархатная шапочка, вся въ рѣзномъ серебрѣ. Какъ крѣпко, вольно, и ловко держится эта юная наѣздница на богато-окованномъ черневымъ серебромъ орчакѣ! Двое провожатыхъ ѣдутъ слѣдомъ за нею.

Вдали отъ середины аула, къ сѣверо-востоку, въ-сторонѣ, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ кибитокъ въ кочевомъ безпорядкѣ. Одна изъ нихъ отличается особенною величиною, опрятностью и многолюдствомъ: это кибитка самаго *Юсупъ-Кади*. По-сторонамъ ея расположены другія, небольшія, принадлежащія близкимъ роднымъ жены его; а въ тридцати шагахъ — во всемъ блескѣ роскоши красуется бѣлый шатеръ, щедро обвитый и изукрашенный лентами и алымъ сукномъ, какъ кибитка богатой четы молодыхъ: это жильѣ одного кунака, по-имени *Апцаръ*, посѣтившаго на ту пору гостепріимнаго *Кади*.

Болѣе сорока человекъ гостей съѣхались уже въ этотъ день по призыву на назначенный праздникъ. По-лѣвую-сторону двери громадной кибитки, на коврахъ и травѣ, возсѣдали неспѣсивые посѣтители, и между ними — самъ *Кади*, низенькій, полный жизни и здоровья, старичекъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, умный, смѣливый, зоркій. Судили-рядили, по восточному обычаю, о дѣлахъ степной политики и о домашнихъ; но чинно и тихо, безъ споровъ, что доказывало уваженіе гостей къ хозяину. Вдругъ раздалась едва слышная рысь. . . .

— « *Аль айгѣръ, Бабй!* » — произнесла звучнымъ голосомъ прелестная малютка-наѣздница, остановившись близъ собесѣдниковъ — и мигомъ спрыгнула на землю.

Тотчасъ ретивый конекъ былъ разсѣданъ услужливымъ *Бавбѣжъ* — и пущенъ на волю. При первыхъ звукахъ мелодическаго голоса, въ дверяхъ кибитки появилась, въ нарядной одеждѣ изъ золота и шелку, высокая, стройная женщина, нѣкогда прекрасная собою.

* Объ этомъ замѣчательномъ человекѣ, полное имя котораго — *Юсупъ-Кады Худай-Берды Кадіевъ*, сообщу я подробнѣе въ статьѣ о *Трухменцахъ*, имѣющей войти въ составляемое мною общее описаніе *Ставропольской губерніи*. *Соч.*

— « *Афа!* » — радостно вскрикнуло дитя — и, ласкаясь, упало въ объятія матери. . . .

Никто, увидя въ первый разъ эту кудрявую головку, не повѣрилъ - бы, что она принадлежитъ не дѣвушкѣ, но Абдаллѣ, единственному сыну Юсуфъ - Кади, и высокой женщины, его единственной жены.

Наступило 22 іюня. Безоблачное небо предвѣщало жаркій день. Одноаульные посетители валили толпами къ громадной кибиткѣ. Пріѣзжіе гости, расположившіеся на ночлегъ у знакомыхъ, собирались одинъ-по-одному, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, смотря по отдаленности временнаго помѣщенія. Стекались и *бакши* съ звонкими *тамдрами* (двух-струнная балалайка), и важные эфенди въ лучшей своей одеждѣ и бѣлыхъ-на-бѣло чалмахъ; стекались и богачи—сибариты степные, и должностные люди — головы, старшины, *аксакалы*; сюдаже торопились и бѣдняки, смиренная братія Ира. . .

Тридцать тучныхъ кобылъ, лучшихъ изо всего косяка Юсупа, давно стояли на привязи. Теперь ихъ было вдвое болѣе противъ того числа, какое пригонялось вседневно для наполненія величайшаго бурдюка (*тумукъ*), заключавшаго въ себѣ степной напитокъ, — *кымызъ*. Пять человекъ занялись доеніемъ кобылицъ; десять зажиточныхъ семействъ обѣщали присылку готоваго кымыза; множество бѣдняковъ, охотниковъ полакомиться на чужой счетъ, дали вѣрное слово прислуживать гостямъ, въ теченіе двухъ дней, бесплатно. По одному желанію Кади, шесть опрятныхъ кибитокъ мгновенно передвинулись къ нему изъ разныхъ угловъ аула, и просторно заключили въ рѣшетчатыхъ стѣнахъ своихъ нахлынувшія толпы разнородныхъ варваровъ.

Всю ночь раздавались по кибиткамъ звучныя пѣсни. Болѣе двухъ-сотъ слушателей ловили каждый звукъ тамдры, каждое слово неутомимаго пѣвца *Алла-Гула*, сына *Магомеда-Бакши*, известнаго старца-поэта, почему-то неучаствовавшаго въ нынѣшнемъ праздникѣ. Кромѣ его были здѣсь также *Аджи-Мурадъ* и известный слѣпецъ-бакши *Сулейманъ*. Оба послѣдніе имѣли по незначительному кружку слушателей, побольшей-части стариковъ или бѣдныхъ гостей, которымъ, по тѣснотѣ, не было мѣста между нарядною знатію, окружавшею знаменитаго Алла-Гула. Ликующій и восторженный, онъ, казалось, забывалъ все слушающее его съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Могучее пѣніе его разносилось далеко по зарѣ и покрывало даже дикія восклицанія и говоръ многочисленныхъ сборищъ, неимѣвшихъ мѣста по близости пѣвца. Чародѣй этотъ то извлекалъ изъ глазъ своихъ слушателей самыя непри-

творныя слезы, то возбуждалъ шумные клики восторга. Вотъ, между прочимъ, одна изъ его пѣсень, пѣсня *Кідръ-Оглы*: *

«Ворона не соловей —
Не оцѣнить запаха розы.
Въ полѣ ходящія бѣлыя птицы **
Не могутъ знать, что такое озеро.
Тотъ, кто не трудился,
Кто на скатерть не клалъ пищи ***,
Кто не испыталъ трудовъ житейскихъ —
Тотъ и не знаетъ, въ чемъ заключается властвованіе . . .
Давшій одно, а взявшій вдвое,
Съ словомъ добра слово зла смѣшивающій,
Достигшій знатности изъ *последнихъ* —
Какъ пойметъ онъ политичность общества?
Несовершенный въ мужествѣ,
Не плакавшій и не смѣявшійся (кстати),
Не понимающій самого себя —
Не будетъ понимать и другихъ!
Кідръ-Оглы, какъ явился на свѣтъ,
Не измѣнялъ своему обѣщанію . . .
Кто не выросъ въ брани,
Тотъ не можетъ судить о храбрости! . . .»

Голоса и пѣсень у Трухменскихъ соловьевъ, какъ извѣстно, станутъ легко не на одну недѣлю сряду. Удивительная память и непонятная организація груди и горла! —

— «*Чай иссы* (чай горячій)!» — проговорила привѣтливо стройная Мешаръ, супруга Каді, обращаясь къ молодому кунаку Апцару.

— «*Аллахъ-берекетъ-берсенъ* (да благословитъ Аллахъ)!» — протяжно поблагодарилъ онъ.

Люди хлопотали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ, сталкивались, словно пожаръ былъ въ аулѣ. А онъ, этотъ прелестной отрокъ, этотъ дѣво-образный Абдалла? Онъ едва повималъ, что не далѣе какъ завтра должна рѣшиться участь его вьющихся локоновъ, принадлежности пола

* Въ газетѣ «Кавказъ» за 1846 годъ, была помещена небольшая статья о *Кідръ-Оглы*. Переводъ прилагаемой пѣсни его, сдѣланъ для меня, въ числѣ многихъ другихъ, бывшимъ переводчикомъ Штаба Военной Кавказской Линіи и Черноморья, нынѣ приставомъ Кара-Ногайскаго народа, Маіоромъ *Давлетъ-Мирзою-Шихалиевымъ*. Соч.

** Здѣсь, очевидно, говорится о птицахъ безъ перепонки. Восточная муза, въ порывѣ своего импровизаторскаго вдохновенія, не имѣла времени сообразить, что въ числѣ *ходящихъ по полю бѣлыхъ птицъ*, могутъ быть также гуси, лебеди и другія, которыя *могутъ знать, что такое озеро*. Соч.

*** То-есть: не предлагалъ угощенія, для достиженія властвованія, какъ водится у Азіатцевъ. Соч.

инаго . . . Шелковый бешметъ его, сшитый пятью швеями въ одинъ день * изъ матеріи, подаренной богатымъ родственникомъ, давно уже красовался на домашней выставкѣ. Настала пора подарковъ всякаго рода юному виновнику праздника. Не требовали многого: каждый приносилъ что могъ, по силамъ. Азіатскій обрядъ этотъ почтенъ былъ истинно по-европейски двумя кусками превосходной матеріи, подаренной кунакомъ Апцаромъ; они произвели во всѣхъ зрителяхъ дикую радость. Долго подарки переходятъ изъ рукъ въ руки, долго остаются вывѣшенными на-показъ; и чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ выше стоитъ хозяинъ въ мнѣніи своихъ гостей; чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе молвы, пересудовъ и разсказовъ.

Абдалла, какъ мы сказали, единственное дитя Юсупъ-Кади и его нынѣшней супруги. Этотъ рѣдкій ребенокъ, тихостию нрава, послушаніемъ и необыкновенною привязанностию къ родителямъ, приобрѣлъ такую безпредѣльную любовь ихъ, что въ наше время и между Европейцами не легко найти подобное въ этомъ отношеніи семейство. Бракъ Кади и Менаръ, единственной—противъ обычая кочевыхъ богачей—жены его, несмотря на желаніе этой рѣдкой четы, не принесъ ей дѣтей женскаго пола. Недостатокъ этотъ придумали замѣнить хотя на-время, отступленіемъ отъ обычая, воспрещающаго мужчинѣ носить на головѣ волосы (кромѣ одного завѣтнаго пучка)—и вотъ почему Абдалла, носившій до-сихъ-поръ локоны дѣвушки, былъ для своихъ родителей въ одно время, и сыномъ и дочерью.

Многіе разсказывали про это обстоятельство иначе. Утверждаютъ, что Кади имѣлъ уже нѣсколько дѣтей, но почти всѣ они умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Какъ быть, чтобы спасти хотя одного ребенка отъ жадныхъ челюстей смерти? Менаръ была беременна. Вотъ, однажды, когда наступалъ уже срокъ разрѣшенія, въ кибитку Кади является женщина и начинаетъ торговать у Менаръ ея ребенка. Сначала такое предложеніе показалось родителямъ страннымъ, несбыточнымъ; но, пораздумавъ нѣсколько и будучи убѣждены знахарями въ томъ, что предразсудокъ временной продажи дѣтей оказываетъ иногда спасительныя послѣдствія, они рѣшились покориться его вліянію на сохраненіе жизни ребенка. Торгъ былъ слаженъ заблаговременно: платою должны были служить, если родится дѣвочка—одна доска, если мальчикъ—двѣ доски чаю. При такихъ условіяхъ, не воспрещается родителямъ подарить что-нибудь ребенку на содержаніе; такіе подарки служатъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ и временною платою за попеченія о немъ до извѣстнаго возраста, и—по обыкновенію—всегда составляютъ порядочный задатокъ. Родился Абдалла. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: продали его въ другой ауль. . . . Прошло немало времени, годъ, два и болѣе: Абдалла росъ и хо-

* Это въ обыкновеніи у степныхъ народовъ. Скорость въ приготовленіи обновъ между ними удивительна. Соч.

рошѣль на диво всякому. Вдругъ разнеслось въ народѣ, что онъ умеръ . . . Легко представить себѣ, какъ были опечалены такою вѣстью злополучные родители. Однажды сидѣли они вдвоемъ и горевали. — « Можно войти? » послышалось въ это время за кибиткой. — « Можно, войди, » отвѣтилъ Кади, мгновенно принявъ на себя важный видъ служителя Аллаха и набожно произнеся: « *Ла-илагъ-иль-Аллагъ!!* » — Вошла высокая женщина, закутанная въ бѣлый *тастаръ* (женское головное покрывало) и съ ребенкомъ на рукахъ. — « Хотите купить? » спросила она у супруговъ. — « Мальчикъ или дѣвочка? » спросили они въ одинъ голосъ. — « Угадайте! » . . . — « Мальчикъ » отвѣчали они опять, какъ бы согласившись . . . — « Такъ-и-быть, продамъ . . . Цѣна два червонца, да, сверхъ-того, сколько прибавите сами, не откажусь . . . » — Дали два червонца, доску чаю, да разныхъ тряпокъ на женскія обновы. — « Любите его, какъ и я любила свое дитя » — примолвила потомъ гостя — « а онъ васъ любить будетъ, надѣюсь . . . » — Тогда изъ-подъ раскрытаго тастара глазамъ изумленныхъ супруговъ, предстало прелестнѣйшее бѣлокурое дитя — сынъ ихъ Абдала, живъ-живехонекъ! . . . Съ-тѣхъ-поръ ребенокъ растетъ у родителей и хорошеетъ день-ото-дня; съ-тѣхъ-поръ носить онъ локоны и, какъ приемышь, называетъ мать свою ласковымъ именемъ: « *Афа!* »

Все ликовало въ аулѣ Юсупъ-Кади. Самый день 23 іюня, казалось-быль веселѣе, свѣтлѣе, теплѣе обыкновеннаго. Всякій торопился сбросить съ себя старое одѣяніе и облечься въ лучшее свое платье. На всѣхъ появились шелковые, атласные и парчевые халаты и бешметы; заблестало серебро повсюду, гдѣ соответствовало средствамъ и вкусу.

Кунаки пріѣзжіе и одноаульные находились въ полномъ собраніи и сѣздѣ. Всѣхъ всадниковъ, не считая пѣшихъ пришельцевъ, было не менѣе четырехъ-сотъ.

Около полудня, кибитки мало-по-малу начали пустѣть. Народъ, пресытившійся артистическимъ пѣніемъ и игрою неутомимыхъ бакши, спѣшилъ къ удовольствіямъ другаго рода. Скачка малютокъ на заклады происходила еще наканунѣ, вечеромъ. Теперь празднество открылось скачкою и джигитовкою пятидесяти и болѣе всадниковъ, раздѣлившихся на нѣсколько партій. Дистанція бѣга простиралась на десять верстъ. Скакать въ-разсыпную сломя голову, безъ соблюденія необходимыхъ скаковыхъ условій, по-нашему — дѣло, не стоящее вниманія; но по понятіямъ кочеваго туземца, и этотъ родъ скачекъ имѣетъ свою занимательность и значеніе. Призы, вызывавшіе на удалство, заключались въ серебряныхъ деньгахъ, и зависѣли совершенно отъ щедрости присутствовавшихъ богачей. Болѣе другихъ отличился въ скачкѣ одинъ при-

ставскій казакъ (дуванщикъ) изъ туземцевъ, и остался въ значительномъ выигрышѣ. Трухмены въ искусствѣ наѣздничества — не обинуясь сказать — вообще далеко уступаютъ Ногайцамъ, въ-особенности обитающимъ въ при-Пятигорскихъ аулахъ.

Не входя въ описаніе всѣхъ игръ, сопровождавшихъ домашнее празднество Юсупъ-Кади, расскажемъ здѣсь только о томъ, что, по нашему мнѣнію, отличается своею замѣчательною особенностію, оригинальнымъ характеромъ. Говоримъ — о единоборствѣ силачей-охотниковъ.

Въ 4 часа по-полудни, когда солнце, нестерпимо палившее зрителей знойными июньскими лучами, начинало склоняться къ западу, всѣ разъединенныя выборомъ зрѣлищъ толпы стали сосредоточиваться въ одно мѣсто, на гладкую поляну, находившуюся позади кибитки Юсупа. Большая-часть всадниковъ спѣшилась, образовавъ своими густыми рядами широкій кругъ, состоявшій изъ представителей двухъ родовъ: Чоудыръ и Игдыръ. На западной сторонѣ, на первой линіи арены, помѣстились на цвѣтныхъ коврахъ самые почетнѣйшіе богачи и достойные чалмоносцы — эфендіи и аджіи (меккскіе поклонники) обоихъ родовъ, числомъ до шестидесяти; на юго-восточной — расположились бойцы Чоудырскіе; на сѣверо-восточной — ихъ Игдырскіе противники, окруженные своими; на южной сторонѣ находился возсѣдавшій на складномъ креслѣ кунакъ Апцаръ, а рядомъ съ нимъ, на травѣ — самъ Кади и юный Абдала.

Болѣе сорока всадниковъ избраны были съ обѣихъ сторонъ, чтобы блюсти порядокъ и тишину. Соуму духовенства принадлежало право и честь произносить роковые приговоры, рѣшающіе счастливое имя побѣдителя. По законамъ борьбы, нужно только упасть одному, чтобы побѣда провозглашена была удѣломъ другаго. Упасть, по понятіямъ народнымъ, значитъ — быть побѣжденнымъ; не принимается въ уваженіе, если боецъ упадетъ, запнувшись за что-либо или поскользнувшись: онъ все равно побѣжденъ. Вотъ почему бойцу необходимо держаться на ногахъ до послѣдней крайности; иначе — позоръ неизбеженъ.

Двое прислужниковъ внесли маленькій треножный столикъ (по ногайски — *сапра*) и съ подобающею важностію поставили его предъ толпою судей-эфендіевъ; на столикъ поставили деревянную чашку, наполненную небольшими кусочками жареной баранины и нетопленаго сала. Каждый изъ бойцевъ, приготовляясь выступить на поприще борьбы, долженъ былъ съѣсть нѣсколько кусочковъ, по Азіатскому обыкновенію въ знакъ незлобія и мира. Знатоки силы и ловкости избранныхъ для состязанія, тихо совѣщались между собою, на кого должна была пасть первая боязливая доля. Обѣ стороны долго думали объ этомъ важномъ предметѣ, пока не раздался ропотъ всеобщаго ожиданія и нетерпѣнія. Выборъ палъ . . .

Великанъ, завернутый съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, былъ медленно, тихо, выведенъ на середину арены. Онъ остановился и съ минутой стоялъ неподвижно, какъ-бы желая освоиться съ новостью своего положенія. Всѣ взоры устремились на него: всѣ старались угадать, кто онъ — и пошли жаркіе споры. Многіе требовали ускоренія развязки; но флегматическій, неповоротливый проводникъ все еще медлилъ, желая, казалось, возбудить большее любопытство зрителей. Наконецъ, онъ взялъ исполина подъ-руку и, по-прежнему, тихо, лѣнивымъ шагомъ подвелъ его къ судьямъ, предъ которыми трухменскій Голякъ, не открывая своего таинственного лица, почтительно опустил на одно колено. Тогда нѣсколько словъ, произнесенныхъ вполголоса старѣйшимъ изъ эфендіевъ, съ длинною серебряною бородою, и, вѣроятно, заключавшихъ въ себѣ краткую молитву и благословеніе — дали знакъ, по которому боецъ поднялся на ноги не менѣе почтительно, подошелъ къ столику, взялъ нѣсколько кусочковъ баранины, и съѣлъ ихъ подъ простынею; потомъ, обратясь къ судьямъ, приложилъ правую руку къ своей груди — и возвратился на середину круга объ-руку съ представлявшимъ его проводникомъ . . . Этотъ боецъ былъ изъ рода Чоудырѣ.

Сильно и глубоко поражены были этою сценою Игдырскіе знатоки. Ростъ избраннаго противною партіей бойца изумлялъ ихъ и приводилъ въ нерѣшимость. Прошло четверть часа . . . Ожидавшій соперника великанъ начиналъ бить ногою тактъ отъ скуки и нетерпѣнія. Еще нѣсколько мгновений медленности — и родъ Игдыровъ былъ-бы непременно заклеменъ единодушнымъ и страшнымъ названіемъ — *трусовъ*! . . . Но онъ не допустилъ себя до такого ужаснаго посрамленія, и, съ ропотомъ разхмынувъ направо и на-лѣво, далъ дорогу представителю, ведшему съ собою бойца, окутаннаго подобно Чоудырскому бѣлою простынею. Этотъ былъ хотя по-видимому и средняго роста, но плотнаго, крѣпкаго сложенія. Твердою поступью приблизился онъ къ мѣсту представленія, опустил ся, какъ и прежній, на одно колено, получилъ благосклонное разрѣшеніе, съѣлъ нѣсколько кусочковъ сала, приложилъ правую руку къ груди — и возвратился на мѣсто, гдѣ былъ его противникъ . . .

До этой минуты они еще не замѣчали другъ-друга, и ни тотъ ни другой не зналъ съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, какъ вдругъ быстро сорванныя съ нихъ проводниками простыни совершенно обнажили атлетическія формы обоихъ, обличавшія несокрушимую крѣпость и силу . . . Кому не случалось видѣть, какъ встрѣчаются два хищные звѣря, рѣшившіеся растерзать одинъ-другаго, тотъ едва-ли, не бывъ очевидцемъ, можетъ представить себѣ всю ярость и ненависть трухменскихъ бойцевъ; это невыразимое остервененіе и обоюдную жажду уничтоженія противника предъ лицомъ родныхъ, знакомыхъ, друзей! — Колоссальный ростъ одного и его прочные, мощные члены, казалось,

слиты были изъ мѣди; ширина плечь и груди обѣщали силу и здоровье вола; приэтомъ рѣдкая пропорціональность формъ исполина дотого была прекрасна, что зритель съ трудомъ могъ оторвать взоръ отъ этого страшнаго чловѣка. Противникъ его едва только головою могъ доставать ему до плеча; но зато ужъ какъ былъ онъ мускулистъ и крѣпокъ, какъ удивительно ловокъ и живъ, какъ отличался стройностію стана, нѣжностію пріятнаго не-азіатскаго лица и бѣлизною кожи! Прелестъ и заглядѣнье!

Въ воздухъ завѣяли платки; но нигдѣ ни звука, ни шелеста, ни шопота: все безмолвствовало, притаивъ дыханіе и обратившись въ напряженное зрѣніе. Торжественна была эта минута, когда противники, въ нѣсколькихъ шагахъ, измѣряли взорами другъ-друга. Насмѣшливый великанъ улыбался надмѣнно, заранѣе увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ; но прекрасное, увлекательное лице его противника, ставшаго въ граціозную позу и спокойно сложившаго на высокой груди свои бѣлыя руки, выражало надежду и отважность. Свѣтъ и вѣтеръ раздѣлены были поровну между обоими; перевязи, прикрывавшія среднія части тѣла и состоявшія изъ весьма искусно подобранныхъ внутрь *ястанъ* (штановъ), представляли какъ тому, такъ и другому, одинаковыя удобства въ борьбѣ и нападеніи . . .

Съ быстротою и легкостію серны красивый Игдырецъ первый измѣнилъ свою граціозную позу, и сдѣлалъ первое нападеніе, какъ эластическій шаръ ээирно отпрыгнувъ далеко всторону отъ бросившагося на него въ тоже мгновеніе исполина. Завязалась рѣзвая, забавная игра кошки съ мышью, начинавшаяся нѣсколько разъ и всегда оканчивавшаяся необыкновенными антрша и воздушною ловкостію одного, удачно и непостижимо избѣгавшаго яростныхъ усилій другаго, тщетно старавшагося схватить на лету свою жертву. Здѣсь, какъ и вездѣ, въ этотъ періодъ борьбы, перевѣсъ былъ на сторонѣ хладнокровія и проворства. Мудрено пересказать съ какимъ рѣдкимъ, непостижимымъ искусствомъ ведена была эта бѣшеная игра, раздражившая мощнаго силача до послѣдней степени остервѣненія, и — напротивъ — все болѣе-и-болѣе занимавшая его веселаго противника, который со всякимъ прыжкомъ становился все легче-и-легче, отважнѣе и живѣе: то подкрадывался онъ къ противнику на самое ближайшее разстояніе, съ быстротою молніи забѣгая сзади, или дразнилъ его почти предъ самыми глазами; то вихремъ кружился вокругъ него, катался колесомъ, становился на руки вверхъ ногами — и неуловимо ускользалъ, замѣтивъ малѣйшее движеніе разсвирѣпѣвшаго непріятели; то дѣлалъ онъ изумительно смѣлые прыжки черезъ голову, безвредно становясь на землю, какъ ни въ чемъ не бывало; то иногда покушался даже прыгнуть на плечо великана и, перекувырнувшись на воздухъ, катился потѣмъ по землѣ опять чрезъ голову, какъ шаръ . . . Но вотъ вы едва замѣтили, какъ они столкнулись,

какъ сплелись рука съ рукою, свились клубомъ, какъ змѣи . . . Уже ничто не въ состояннн было ихъ разнять, ничто не могло остановить этой варварской борьбы и ожесточенія: и то и другое лице, теперь равно было ожесточено злобою и гнѣвомъ; какъ голодные волки добычу, рвали они другъ-друга руками, вихремъ кружась по аренѣ. Напряженные члены и кровью налившіеся глаза ихъ, казалось, готовы были поминутно лопнуть; конвульсивно-сжатая губы, покрытая кровавою пѣною и потомъ, шептали проклятія. То они готовы были оба рухнуть на землю; то высоко взбрасывали одинъ-другаго на воздухъ, не выпуская изъ рукъ; то тяжело, судорожно падали на колѣна, стараясь изломать за-мертво стиснутые члены; то снова становились на ноги, снова начинали безконечную борьбу — и снова кружились, снова неслись въ сумасшедшемъ остервененнн. Любо и трепетно было смотреть на это бѣшенство. Можно положительно сказать, что дѣло шло скорѣе о смерти, нежели о жизни . . . Слышно было даже какъ трещали вывертываемыя руки и ноги — и каждый изъ зрителей легко предвидѣлъ, что безъ вмѣшательства стражи, обезумѣвшіе бойцы оба должны были остаться на-мѣстѣ до грозной трубы Азраэля . . .

Между-тѣмъ, къ общему изумленн, совершенно неожиданный оборотъ приняла эта дикая пытка силы и искусства. Въ самое рѣшительное мгновенн, когда только-что собравшій всѣ свои силы исполинъ готовился сломать или раздавить своего противника, тотъ счастливо успѣлъ высвободиться изъ удушавшихъ его объятій, сдѣлалъ легкое движенн впередъ, потомъ съ непостижимымъ проворствомъ перекинулся назадъ — и громадный чоудырскій колоссъ, словно чудомъ поднятый на воздухъ, стремглавъ полетѣлъ чрезъ его голову, и въ двухъ саженьяхъ всею тяжестью тѣла ударился о землю . . . Дикая кошка на похитителя дѣтей своихъ, или испуганная внезапнымъ шорохомъ воздушная бѣлка — можетъ только прыгнуть такъ, какъ прыгнулъ на него побѣдитель! . . .

Яростно заволновались ряды гостей-черни. Одни торопились удержать побѣду за Игдырцемъ; другіе — сбросить, измять, раздавить торжествующаго бойца-непріятели. Все закипѣло буйствомъ и бранью. Набздники смѣшались съ пѣшими зрителями, и малочисленной стражѣ весьма трудно было удержать бѣснующееся невѣжество въ границахъ прежняго порядка. Только громкія слова Юсупъ-Кадн могли утишить волненн. Одни торжествовали побѣду, другіе пылали ненавистью и мщеннемъ. Бойцы были уведены, а имя одержавшаго верхъ огласилось въ воздухъ воплями и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ людей! . . .

За первую парю слѣдовала другая, третья и т. д., до двѣнадцати. Каждая пара бойцевъ выходила на арену тѣмъже самымъ порядкомъ, какъ и первая, и отличалась тѣмъже, а иногда еще и бѣльшимъ звѣрствомъ

и варварскою безпощадностью, пока кто-либо изъ бившихся не оставался побѣдителемъ. Многимъ изъ любителей нравилась «*лежащая* борьба», происходившая у двухъ или трехъ паръ. На нашъ взглядъ — ничто не можетъ быть ужаснѣе этого боя. Ожесточеніе въ этой борьбѣ достигаетъ иногда съ обѣихъ сторонъ дотого, что противники, въ забытіи и изступленіи, рвутъ другъ-друга зубами и ногтями, или, въ припадкѣ высочайшаго бѣшенства и безсилія, грызутъ землю и вырываютъ руками огромные куски дерна. Въ такихъ случаяхъ спѣшатъ ихъ рознять; но, бывали, рассказываютъ, и такіе примѣры, что рознятые бойцы вымѣщали злобу свою на миротворителяхъ, какъ смогли, не имѣя права и возможности продолжать прерванную битву. Лежащая борьба, сколько могу судить о ней по двумъ-тремъ примѣрамъ, требуетъ невѣроятной ловкости и силы: здѣсь нѣтъ надежды ни на быстроту ногъ, ни на случайности, прерывающія часто гимнастическія упражненія удалцовъ въ самомъ началѣ.

Послѣ борьбы, заключившей собою все игры, кругъ зрителей сдвинулся тѣснѣе. Юсупъ-Къди ввелъ въ него за одну руку жену свою, съ невообразимою щедростью украшенную золотомъ, и маленькаго Абдаллу, безсознательно и кротко озиравагося на сжатые массы гостей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ произнесъ Юсупъ рѣчь къ духовенству и народу, объяснилъ въ ней свои домашнія обстоятельства, и коснувшись слегка свершенія извѣстнаго числа лѣтъ Абдаллѣ, замѣнявшему для него сына и дочь, объявилъ, что теперь, по этому случаю, онъ охотно и съ радостію готовъ пожертвовать имъ на служеніе Аллаху, начавъ съ обученія дитяти, какъ заведено, священнымъ книгамъ и письму. Горькими слезами окончилъ онъ свои слова; трогательнымъ рыданіемъ отвѣтила ему тоскливая супруга. Абдалла едва-ли понималъ, что онъ одинъ былъ причиною этѣхъ слезъ. Старѣйшій изъ эфендіевъ на рѣчь Юсупа отвѣчалъ утѣшительною, не менѣе сильною и вразумительною рѣчью. Народъ, не задолго жаждавшій варварскихъ зрѣлищъ, жался теперь, ловя каждое слово; многіе плакали. Трогательна была эта сцена, рѣшившая навсегда участь роскошныхъ волосъ Абдаллы!...

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ угощеніи. Оно, какъ требуютъ обычаи, состояло изъ бараньяго и конскаго мяса, приготовленнаго еще на-канунѣ. Приготовленіе состоитъ все въ томъ, что сварятъ что слѣдуетъ, да изрѣжутъ мелко-на-мелко—и дѣло съ концемъ. Сначала чинными рядами расположились на мягкой муравѣ проголодавшіеся гости, предъ которыми, по распоряженію хозяина, немедленно очутились цѣлыя батареи деревянныхъ чашекъ съ *бишъ-бармакомъ*. Пока еще все шло благополучно, и одинъ разъ даже совершенно счастливо удалось прислуживавшимъ обнести первые ряды; но, послѣ того, вполонину насыщенные гости заблагоразсудили подняться на ноги и, при первомъ появленіи второй порціи, отважно бросились на похищеніе . . . Началась

страшная свалка. Кулакъ и плеть дѣйствовали дружно, повсюду отбивая аппетитную добычу и сбивая съ ногъ все, рѣшавшееся на опасное сопротивленіе. Малочисленная прислуга, видя буйный напоръ и получая, невѣдомо за что, щедро сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ удары и толчки, пустилась со всѣхъ ногъ въ благоразумное бѣгство... Это голодное сумашествіе свирѣпствовало до-тѣхъ-поръ, пока все на-чисто было опорожнено, пока груды брошенныхъ чашекъ не напомнили бѣснующимся, что обѣдъ былъ окончательно съѣденъ. Таковы Восточная вѣжливость и обжорство!

Послѣ обѣда, гости, какъ-водится, выкурили по трубкѣ табаку, причемъ почетные выпили еще по чашкѣ кымыза, и потомъ, не поблагодаривъ даже хозяина за приглашеніе и пріемъ, съѣли на коней—и чрезъ пять минутъ были уже далеко, джигитуя въ-разсыпную, подобно разбѣжавшимся отъ страха муравьямъ . . .

СМѢСЬ.

— ГЕОГРАФІЯ АБУЛЬФЕДЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ. — Для исторической географіи нѣтъ въ настоящее время ничего важнѣе какъ изданіе географическихъ памятниковъ Восточныхъ литературъ. Европейскіе источники по этой части, какъ древніе, такъ и среднихъ вѣковъ, болышею-частію изданы и давно уже изучены; наука взяла изъ нихъ почти все, что можетъ взять; Азіатскіе, напротивъ, и въ извѣстность-то стали приходить весьма недавно, а между-тѣмъ, судя по тому, что уже издано, обѣщаютъ богатѣйшую жатву новыхъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній. Абульфедъ, арабскій географъ и историкъ XIV вѣка, впрочемъ — одинъ изъ тѣхъ Восточныхъ писателей, которымъ наиболѣе посчастливилось въ Европѣ. Его хронологическая исторія мусульманскаго міра была первымъ болышимъ историческимъ произведеніемъ, которое удостоилось въ Европѣ изданія въ текстъ и въ переводѣ: Адмеръ напечаталъ ее по-арабски и по-латыни (въ переводѣ Рейске) въ 1789—1794 годахъ, въ пяти толстыхъ томахъ in 4°; а одна часть этого сочиненія, заключающая жизнеописаніе Магомета, издана была въ текстъ и латинскомъ переводѣ еще въ 1722 году, въ Оксфордѣ. Географическое твореніе Абульфеды «*Такамъ-эль-Бульданъ*» стали переводить и издавать по частямъ, въ Англіи и Германіи, еще съ половины XVII столѣтія; въ нынѣшнемъ явились и два полныя изданія его въ подлинникѣ: одно — въ Парижѣ, въ 1840, другое — въ Дрезденѣ, въ 1842—1845 годахъ. Это была важная услуга наукъ, но услуга, которою могли пользоваться лишь избранные — оріенталисты; тогда-какъ для знаменитѣйшихъ воздѣлывателей географіи важный географическій памятникъ этотъ былъ доступенъ только въ нѣмецкомъ переводѣ Рейске, напечатанномъ въ многотомномъ изданіи Бюшинга: «*Magazin für die neue Historie und Geographie*». Наконецъ